

шается приказа оставить укрепленный район, что даже Бенеш уже не тот авторитет, который мог бы повлиять на нее...

С. Александровский

Публикуется по АВП СССР.

Частично опубликовано в сб.: «Новые документы из истории Мюнхена», с. 147—148.

¹ См. док. 372.

² См. док. 382.

³ Сыровы Я.— чехословацкий политический деятель, генерал. В 1926 г.— министр национальной обороны. В 1927—1933 гг.— начальник генерального штаба. В 1933—1938 гг.— инспектор чехословацких вооруженных сил. С 22 сентября по 1 декабря 1938 г.— председатель правительства и министр национальной обороны. С 7 октября по 30 ноября 1938 г. исполнял функции президента республики.

⁴ Гайда Р.— См.: «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. I, с. 76; т. II, с. 266.

384

Письмо посланника Чехословакии в СССР З. Фирлингера министру иностранных дел Чехословакии К. Крофте об отношении Советского правительства к событиям в Чехословакии

Москва

29 сентября 1938 г.

Быстрое развитие событий делает почти беспредметным любое письменное сообщение. Тем не менее мне хотелось бы еще раз разъяснить точку зрения Советского правительства по поводу сегодняшнего конфликта, поскольку в печати и телеграфных сообщениях из-за границы все еще проявляется значительное непонимание советской политики. Также и мотивировка принятия нами англо-французского предложения¹, содержащаяся в выступлении министра Вавречки², в котором он ссылается на советское предложение передать дело в Лигу Наций и на сложность подобной процедуры,— такая мотивировка, или по крайней мере соотвествующая часть ее, вызвала здесь определенное недовольство.

В ранее направленных сообщениях я уже несколько раз подчеркивал, что в глазах Советов предложение обратиться в Лигу Наций имеет скорее теоретическую и моральную ценность. Еще вчера я говорил об этом деле с Потемкиным, который со мной полностью согласился, что в случае агрессии процедура в Женеве может быть весьма краткой, как только найдутся великие державы, которые решились бы действительно выступить против агрессора. И именно отговорки Бонне о сложности процедуры усиливали подозрения Советского правительства относительно того, что Франции не хочется вступать в конфликт.

Понятно, что Советское правительство колебалось и колеблется вступить в конфликт без западных держав, чего мы от него никогда и не требовали. Здесь имеются серьезные опасения, что при одностороннем вмешательстве Советов из чехословацкого вопроса возникла бы такая же проблема, как в Испании, со всеми страшными политическими последствиями для всей Европы и в особенности для Чехословакии. Тем не менее на запрос президента д-ра Э. Бенеша³ о том, готов ли Советский Союз поддерживать нас в Женеве в соответствии со статьями 16 и 17, ответ, немедленно переданный мне Потемкиным, был абсолютно положительным. Ясно, что в таком случае степень участия

Советского Союза в подобном конфликте определялась бы уже не нашим пактом, а самостоятельным решением Советского правительства о том, какие военные и экономические средства оно использует. По словам Потемкина, Советский Союз вступил бы в подобный конфликт как член Лиги Наций.

Первые признаки изменений французской и английской политики в положительную сторону⁴ были восприняты здесь с большим удовлетворением. На мое первое сообщение о том, что Франция и, возможно, даже Англия в случае нападения на нас Германии будут на нашей стороне (конечно, если переговоры будут вестись на основе берхтесгаденских предложений), здешние правительственные круги реагировали весьма благоприятно; сообщение об этом было получено 24-го числа этого месяца, т. е. в нерабочий день, когда учреждения не работают и когда Потемкин, замещающий Литвинова, был на даче. Я отправился к дежурному сотруднику Комиссариата иностранных дел, где смог поговорить по телефону с Потемкиным, который в тот же день вернулся в город. Затем ночью было созвано совещание, и с тех пор на все мои вопросы и запросы отвечают немедленно и очень решительно. Таким образом, оказалось возможным в сравнительно короткое время решить вопрос о направлении специалистов и высших офицеров авиации в Прагу, причем мне сообщили, что все пожелания генерала Файфра приняты во внимание и соответствующие воздушные советские силы готовы в случае необходимости немедленно вылететь в Чехословакию⁵.

Кроме того, Комиссариат иностранных дел стремился вновь проявить инициативу в деле созыва трехстороннего совещания представителей генеральных штабов. Как только здесь стало известно, что англичане дали согласие⁶ на то, чтобы французский генеральный штаб вел переговоры (сообщение об этом мне передал Потемкин), советский военный атташе в Париже был уполномочен вести переговоры.

Как вчера сообщил мне с радостью Кулондр, советский военный атташе в Париже заявил⁷, что Советский Союз на западных границах имеет 30 полных дивизий, находящихся в боевой готовности, не считая технических частей, которые готовы немедленно начать операции. Я сказал Кулондру, что перспективы всеобщей мобилизации в Советском Союзе дают возможность предполагать, что, кроме этой армии, находящейся в боевой готовности, Советский Союз в случае настоящего мирового конфликта может отправить на фронт другую большую армию, поскольку вооружение и соответствующая военная промышленность позволяют это сделать.

К сожалению, хорошее настроение, которое понемногу возвращалось, было испорчено сообщением о конференции четырех держав в Мюнхене. Тем не менее я предполагаю, что Даладьё, направляющийся на это опасное свидание, будет иметь уже достаточно доказательств решительной политики Советского Союза и его намерений и что в таком случае он не сможет вновь ссылаться перед французской общественностью на неподготовленность и нежелание Советского Союза.

Советский Союз проявил также свою добрую волю в том, что касается предъявленных нам требований Польши. Нота, врученная в четыре часа утра здешнему польскому поверенному в делах⁸, достаточно ясно выражает намерения Советского Союза. За нашими переговорами с поляками следят с большим вниманием и намерены не оставить безнаказанными действия Варшавы по отношению к нам. Реализм и осторожность, которые всегда отличали советскую политику, в настоя-

щее время, возможно, могут быть неправильно истолкованы Варшавой или, по крайней мере, внешне умышленно недооценены. Однако здесь не сомневаются в том, что когда-нибудь час расплаты придет.

В дополнение картины можно было бы еще добавить, принимая во внимание мои впечатления и сообщения, что в здешних правительственных кругах наблюдается намного больше решимости приложить значительные усилия в случае мирового конфликта, чем это внешне может показаться и чем это может быть видно из выступлений Литвинова. Известно, что все действия Литвинова в Женеве отличались известной осторожностью и скептицизмом по отношению к другим великим державам. Поэтому и все его публичные выступления необходимо всегда понимать в таком смысле. В особенности в них не следует искать каких-то скрытых тенденций, которых в действительности нет.

Фирлингер

*AFMZV, Praha, PZ Moskva, 1938,
č. 146, č. j. 137423/11/38.*

Подлинник. Перевод с чешского.

Опубликовано в сб.: «Новые документы из истории Мюнхена», с. 142—146.

¹ См. док. 346 и прим. 3 к док. 347.

² Вавречка Г.— крупный предприниматель, в 1938 г.— министр без портфеля, руководил службой информации.

³ См. док. 344 и 345, а также док. 349.

⁴ См. док. 367, 383.

⁵ См. прим. 1 к док. 376.

⁶ 26 сентября 1938 г. МИД Англии опубликовал заявление о возможности совместных действий с СССР, однако это заявление было лишь тактическим маневром, который должен был принудить Гитлера к соглашению с Англией и Францией.

25 сентября на совещании английского и французского правительств в Лондоне Чемберлен добивался от французской делегации заявления о том, что Франция в военном отношении не готова к войне против Германии и что поэтому политика умиротворения является единственно возможной. Переговоры с советскими военными и политическими руководителями Бонне и Чемберлен хотели использовать как «доказательство» того, что Советский Союз также не подготовлен к войне с Германией. Именно в этом духе Бонне истолковывал свои последние переговоры с Литвиновым в Женеве во время Ассамблеи Лиги Наций. Дипломатические и военные переговоры с Советским правительством приверженцы политики уступок хотели использовать для успокоения общественного мнения, которое считало, что мир можно сохранить совместными усилиями с Советским Союзом. См. также док. 381, 385.

⁷ См. док. 374.

⁸ См. док. 366.

385

*Телеграмма полномочного представителя СССР в Англии
И. М. Майского в Народный комиссариат иностранных дел
СССР**

Лондон

29 сентября 1938 г.

Галифакс накануне моего приезда из Женевы справлялся в полпредстве, когда я вернусь. Утром в день моего приезда он просил полпредство сообщить мне сразу же по приезде о том, что он хочет меня срочно видеть. Сегодня утром состоялось это свидание. Я был очень

* Копия телеграммы направлена М. М. Литвинову в Женеву.